

¹Д.К. Кахарман , ²А.Ж. Жаксылыков ,

¹магистрант 2 курса, ²д. ф. н. профессор
Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: kakharman_d@mail.ru; aslanj54@mail.ru

ФУНКЦИЯ МАКРООБРАЗОВ В РОМАНЕ ГЕРОЛЬДА БЕЛЬГЕРА «ТУЮК СУ»

Аннотация. Данная статья посвящена малоизученной теме семантического функционирования концептуальных макрообразов в тексте произведений Герольда Бельгера, казахстанского писателя-билингва, оставившего заметный след в современной литературе. К таким макрообразам в прозе писателя обычно относят образ дома, степи, аула, дороги, эпохи, страны и среды. Подобные пространственные образы в прозе Герольда Бельгера носят концептуальный и функциональный характер. Концептуальный – означает, что они дополнительно «нагружены» в смысловом, философском отношении, это – образы-маркеры, ориентирующие читателя в идейном поле произведения, подводящие к главным мыслям автора. Функциональный – означает, что данные образы выполняют значимую художественно-эстетическую роль в тексте, генерализируя важные смыслы, сигнализируя о направлении развития философии автора и поэтики произведения. Таковы, например, функции макрообразов дома и аула в романе Герольда Бельгера «Туюк су». Эти образы позволяют автору провести ряд символических обобщений в романе, раскрыть внутренний мир героя и организовать сравнительную характеристику этнокультуры разных стран, Казахстана, Германии, России. Такие насыщенные и экспрессивно окрашенные макрообразы позволяют провести дополнительную нравственно-психологическую характеристику внутреннего мира героя, охарактеризовать состояние социальной среды, организовать сравнительно-сопоставительный анализ этнокультуры разных народов и подвести читателя к нужным выводам. Макрообразы дом и аул, находясь во внутренней семантической взаимосвязи, выполняют важную эстетическую и изобразительную функцию в тексте произведения Герольда Бельгера. К мастерству писателя относится то, что через систему таких комплексных образов он создает выразительные картины не только частной жизни человека, его сокровенной внутренней жизни, но жизни всего народа или нескольких этносов, живущих в одной национальной, культурной среде. Особая тема мастерства Герольда Бельгера – его умение сплести повествовательную ткань произведения из системы таких прекрасно выписанных макро- и микрообразов.

Ключевые слова: макрообраз, функция, картина мира, билингвизм, роман, поэтика, концептосфера.

¹D.K. Kaharman, ²A.Zh. Zhaksylykov,
¹graduate student 2 course, ²Doctor of Science, Professor
of Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: kakharman_d@mail.ru; aslanj54@mail.ru

The function of macro-images in Herald Belger's novelis «Tuyuk su»

Abstract. This article is devoted to the less studied topic of semantic functioning of conceptual macro images in the text of the works of Herald Belger, a kazakh bilingual writer who left a noticeable mark in modern literature. Such macro images in the writer's prose usually include the image of the house, the steppe, the village, the road, the era, the country and the environment. Such spatial images in Herald Belger's prose are conceptual and functional. Conceptual means that they are additionally "loaded" in semantic, philosophical terms, these are images markers that orient the reader in the ideological field of the work, leading to the main thoughts of the author. Functional means that these images will perform a significant artistic and aesthetic role in the text, generalizing important meanings, signaling the direction of development of the author's philosophy and poetics of the work. Such, for example, are the functions of the macro images of the house and the village in the novel by Herald Belger "Tuyuk su". These images allow the author to carry out a number of symbolic generalizations in the novel, to reveal the inner world of the hero and to organize a comparative characteristic of ethnic culture of different countries, Kazakhstan, Germany, Russia. Such rich and expressively colored macro-images allow to carry out additional moral and psychological characteristics of the inner world of the hero, to characterize the state of the so-

cial environment, to organize a comparative analysis of the ethnoculture of different people and to bring the reader to the necessary conclusions. Macro-images house and aul, being in the internal semantic relationship, perform an important aesthetic and visual function in the text of the work of Herald Belger. The skill of the writer is that through a system of such complex images he creates expressive pictures not only of the private life of a person, his inner life, but the life of the whole people or several ethnic groups living in one national, cultural environment. A special theme of Herald Belger's skill is his ability to weave the narrative fabric of a work from a system of such perfectly written macro and micro-images.

Key words: macro-image, function, picture of the world, bilingualism, novel, poetics, conceptual sphere.

¹Д.К. Кахарман, ²А.Ж. Жақсылықов,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің

¹2 курс магистранты, ²профессоры, ф. ф. д.,

Қазақстан, Алматы қ., e-mail: kakharman_d@mail.ru; aslanj54@mail.ru

Герольд Бельгердің «Тұйық су» романындағы макрообраздардың қызметі

Аңдатпа. Бұл мақала қазіргі әдебиетте елеулі із қалдырған қазақстандық екі тілді жазушы Герольд Бельгердің шығармаларының мәтініндегі концептуалды макрообраздардың семантикалық қызметі тақырыбына арналған. Жазушы прозасындағы мұндай макробейнелерге әдетте үй, дала, ауыл, жол, дәуір, ел және қоршаған орта бейнесі енеді. Герольд Бельгердің прозасындағы мұндай кеңістіктік бейнелер концептуалды және функционалды қызмет атқарады. Концептуалды – бұл семантикалық, философиялық мағынада қосымша «жүктелген» дегенді білдіреді. Автордың негізгі ойларына жетелейтін, шығарманың идеялық өрісіне оқырманды бағыттайтын таңбалық бейнелер. Функционалды – бұл кескіндер автордың философия мен шығарма поэтикасының даму бағытын білдіретін маңызды мағыналарды жалпылай отырып, мәтіндегі едәуір көркемдік және эстетикалық рөл атқарады. Мысалы, Герольд Бельгердің үй мен ауыл макробейнелік рөлін «Тұйық су» романында кездестіруге болады. Бұл образдар авторға романдағы бірқатар символикалық жалпылама тұжырымдарды жүргізуге, кейіпкердің ішкі әлемін ашуға және әр түрлі елдердің, Қазақстан, Германия, Ресейдің этникалық мәдениетінің салыстырмалы сипатын ұйымдастыруға мүмкіндік береді. Мұндай әсерлі және мәнерлі боялған макрообраздар бізге кейіпкердің ішкі әлеміне қосымша моральдық-психологиялық сипаттама жүргізуге, әлеуметтік ортаның жағдайын сипаттауға, әр түрлі этномәдениетке салыстырмалы талдау ұйымдастыруға және оқырманды қажетті тұжырымдарға жетелеуге мүмкіндік береді. Үй мен ауылдың макрообраздары ішкі семантикалық қарым-қатынаста болып келіп, Герольд Бельгердің жұмысының мәтінінде маңызды эстетикалық және бейнелік функцияны орындайды. Жазушының шеберлігі осындай күрделі образдар жүйесі арқылы адамның жеке өмірін, ішкі өмірін ғана емес, сонымен бірге сол ұлттық, мәдени ортада өмір сүретін бүкіл халықтың немесе бірнеше этникалық топтардың өмірін бейнелейтін фактілерді қамтиды. Герольд Бельгердің шеберлігінің ерекше тақырыбы ретінде шығарманың баяндау қабатын осындай керемет жазылған макро, макрообраздар жүйесінен құрастыру алу қабілетін айтамыз.

Түйін сөздер: макрообраз, функция, әлемнің суреті, билингвизм, роман, поэтика, концептосфера.

Введение

Романы Г.К. Бельгера посвящены эпохальным событиям временного промежутка между 40-ми годами XX века и началом XXI. Особенность данного периода, обуславливающая драматизм описываемых событий, заключается в системном кризисе советского общества и лежащей в его основе марксистско-ленинской идеологии, ее краха, связанного с социально-политическим, формационным распадом Советского Союза. В них изображены события, которые коснулись российских немцев – это депортация 1941 г., ликвидация автономии, спецпоселение,

лагерная трудармия, трудное послевоенное становление, поиски своего места в жизни, эмиграция в новое время. Произошедшие события и качественные сдвиги в общественном сознании, естественно, нашли преломление и в литературных произведениях, в частности Герольда Бельгера.

Исследователи резонно считают, что стилистические черты художественных произведений определяются контекстом творчества писателя, поэтому «...изучение контекстов литературного творчества – это необходимое условие проникновения в смысловые глубины произведения, одна из существенных предпосылок постижения

как авторских концепций, так и первичных интуиций писателя» (Halizev, 2000: 292). Поэтому, чтобы постичь сущность художественного мира автора, осмыслить направление поисков и открытий художника, необходимо рассматривать их в историко-литературных координатах эпохи. Художественный мир писателя воспринимается как эстетический, культурно-исторический феномен, имеющий общественное значение, поэтому важно рассматривать его в тесной связи со стимулирующим контекстом литературной деятельности.

Представления писателя о сущности мира и его развития, выраженные через систему образов и выразительных средств языка, формируют такое качество, как «художественная картина мира». Полноценное литературное произведение в той или иной степени является специфичным суждением о жизни, экспрессивным «образом» действительности, пропущенным сквозь фокус авторского восприятия, конструктивного творческого мышления. При этом нередко самым ценным для читателя является то качество, которое называется художественная «картина мира». Языковая картина мира формируется как синтез мироощущения, мировосприятия, вербального мышления; она вырабатывается в процессе постижения его многообразия, конструирования его в соответствии с эстетическими ориентирами и подсознательными ощущениями художника слова. Языковая картина мира, или воплощенная ментальная структура, как известно, «...реализуется образными, понятийными и мифическими структурами или концептами» (Krasnukh, 1997: 11).

Человек является носителем языка, коммуникативной, универсальной системы понятий. Он создает образ мира языковыми средствами восприятия и претворения. В условиях активного билингвизма или полиязычия, когда языковые контакты детерминируют в душе личности важные языковые реалии и ассоциации, ситуация моделирования мира разворачивается сложнее. В результате взаимодействия нескольких языковых систем в пределах рецептивной сферы создается более сложный образ мира, влияющий как на этническую идентичность, так и на способы позиционирования личности в мире (Afanasyeva, 2017: 483-492)

Эксперимент

Судя по данным литературы и культурологии, в мироощущении российских немцев,

билингвов, как бы было заложено противоречие, с одной стороны, традиционного повиновения немцев любой власти и, с другой стороны, – протеста представителя сильного народа, склонности к социальному творчеству, бунтарству. Исторически заложенное противоречие не могло не найти отражения в самоощущении людей в критических для российских немцев ситуациях (депортация, трудармия, эмиграция). Все же в целом для немецкого народа характерно «уважение к форме закона, а не просто к его конкретному смыслу и применению в данной ситуации». У российских немцев подобное отношение в этапных исторических ситуациях преломляется в сложных психологических коллизиях и оборачивается ещё большей для них драмой (Kusainova, Kozina, 2013: 27-33).

Концепты, или образы значимых вещей, маркеры (системные макрообразы), предстают своего рода голограммами – фрагментами картины мира, в которых целостно отражается способ понимания и познания мира субъектом и представляют собой инструмент выработки образных суждений о мире и людях – рецепций. Любой такой концепт, независимо от его типа, имеет базовый семантический слой. Базовый слой всегда представляет собой определенный чувственный образ или архетип, который является единицей универсального предметного кода, кодирующей данный концепт для мыслительных оценочных операций. (Seifert, 2015: 130). Такие системные макрообразы дома, аула, родины, судьбы, памяти дороги – являются ключевыми в концептосфере романов Г. Бельгера.

Справедливо суждение, что через героя реализуются идеи автора; в некоторых случаях мыслящий герой выполняет еще одну важную функцию – авто-ретроспективную. В этом случае основные этапы жизни, сюжетные линии, фоновые знания героя выстраиваются на линии биографических данных самого автора (Afanasyeva, 2017: 485).

Результаты и обсуждение

В романе «Туюк су» в фокусе повествования судьба российского немца-спецпереселенца. Главный герой романа Эдмунд Ворм – этнический немец, представитель диаспоры, спецпереселенец, писатель, в нем угадывается автор романа Г. Бельгер. Сюжет произведения во многом опирается на сцену возвращения Эдмунда Ворма в Казахстан после десяти лет жизни в Германии, куда он эмигрировал в 90-х годах прошлого

века. В аул Туюк Су герой попадает малым ребенком, когда его родителей – немцев в 1941 г. насильно депортировали в Казахстан. С детства он растет в многоязычной многонациональной среде. Дома он слышит в основном немецкий и русский языки, тогда как в ауле его окружала казахская речь и культура.

Трагические события разлучают Эдмунда с матерью и отцом: сначала отца забирают в лагерь на лесоповал, затем мать, Паулину, призывают в трудовую армию. Паулина оставляет сына казашке Хадише, любившей ребенка. Паулину, вернувшуюся год спустя, изможденную после болезни, едва живую, ребенок не узнает. Он даже не в состоянии понять обращенных к нему немецких слов матери. Обращаясь к приемной матери, Хадише, маленький Эди спрашивает, пытаясь понять, кто из них его настоящая мама:

– Ой, айналайын. Я люблю тебя, но я не твоя мама. Я твоя апа. Апа, понимаешь?

– А разве апа не мама?

– Апа много, а мама одна. (Belger, 2004: 98)

Таким образом *апа*, *мама* – эти два языковых понятия символизируют собой два дома, две родины, две культуры, два языка, глубоко взаимосвязанные в жизни Эди, будущего интеллектуала, писателя, выбравшего художественный язык своей профессией.

Как изображено в романе, судьба Эдмунда Ворма совпадает с судьбой большинства российских немцев. Эмигрировав на этническую родину, землю предков, в Германию, они так и остались чужими в ней. Родина оказалась для невольных странников временным обиталищем, транзитной зоной в мир раздвоенности. По воле Истории человек дважды теряет Родину, первый раз с отбытием предков, второй раз – с эмиграцией обратно.

Как правило, для героя, выросшего в Казахстане, знание русского и казахского языков открывало широчайшие возможности в познании и освоении мира, выступало способом моделирования и обмирщения образа «дома». Однако эти языки на вновь обретенной родине становятся обузой. «Писал он по-русски, так ему было сподручнее. Писал о российских немцах, писал, как умел, как понимал, как чувствовал, излагая свою неизбывную, невытравляемую боль и обиду давних лет... Здесь же, в Германии, он был сыт, ухожен, обрел работу, уверенность и надежность, вошел в размеренное течение жизни, в монотонное русло, но был не нужен, никому не нужен, чужак, сам по себе...» (Belger, 2004: 115).

Герой романа не раз мысленно возвращается к родному аулу, в котором был по-своему счастлив. Образ аула для казахского немца – своего рода архетип «дома», очень важный для немца-традиционалиста. В тесном соседстве с представителями других этносов он ощущал себя в большей степени «своим», чем на абстрактной «родине предков». Характерно, что Германия в тексте имеет эту формальную характеристику – далекая «родина предков», «родина отцов», но лишенная при этом качественных определений с субъектными маркерами («моя», «наша» родина) (Kusainova, 2011).

Роман начинается с предметного описания дома, в котором до эмиграции жил Эдмунд Ворм. Дом – не просто материальный объект. Это значимый психологический комплекс, вызывающий глубокие переживания, а в тексте – макрообраз: символ прошлого, олицетворение памяти. «Дом свой Эдмунд не узнал. Осевший, обшарпанный, замызганный, дом лишь по общим очертаниям напоминал некогда вымечтанный и по кирпичику собственноручно сложенный добротный особняк». (Belger, 2004: 3) Прожив десять лет в Германии и возвратившись в места своего детства, юности, он видит разительные перемены, ностальгически вспоминает былое, задается безответным вопросом: «Что ему этот край, этот уголок земли? Место изгнания? Место ссылки? Временное пристанище? Край родной?» (Belger, 2004: 245)

Писатель через внутренний монолог главного героя выразительно обобщает нелегкие раздумья соотечественников-репатриантов на исторической родине: «И Германия его приняла, впустила, милостиво, с состраданием, как далекого потомка немецкого предка, отправившегося в лихолетье в Руссланд на поиски счастья. Потомок вернулся – круг замкнулся. Но ему, Эдмунду Ворму, Германия родиной не стала. Она стала ему местом постоянного жительства. И только». (Belger, 2004: 245)

Понятие *дом* в романе традиционно осмысливается как центр нравственного и смыслового поиска, своеобразный микрокосмос, обетованная Палестина, способная надолго утешить душу. Оно оформляет наиболее важные культурно-базовые смыслы, такие как *семья*, *аул*, *родина*, *судьба*, *память*, то есть коренные семы. И это родовые, общечеловеческие смыслы: дом как среда семьи, мать, отец, дети; дом как аул, дом как родина, родной край. Характер их семантизации и внутренней связи в тексте делают повествование предельно объемным, усиливают

выразительность художественных образов, позволяют рассказать о драматических переживаниях героев.

Дом служит конструктивным, центральным звеном в общей картине мира героя. Дом – микромир, космос, преобразованный человеком, обмирщенный, одомашненный, названный родными словами. «Родной дом – это первая вселенная человека, объединяющая его воспоминания, мысли, мечты и тем самым организующая связь времен. Дом – это еще и убежище, последняя опора в жизни» – резюмирует исследователь (Maslova, 2016: 263). Это смысловая граница «вокруг человека» – своего рода опредмеченный, внутренний человек, душа, вывернутая наизнанку в мир.

Е.В. Шутова, сформулировавшая символическую оппозицию *дом-бездомье*, выделяет шесть аспектов осмысления понятия *дом*:

- натуралистический, когда *домом* для человека становится целый космос, мир, природа вокруг него (Гераклит, Демокрит, Дж. Бруно, Спиноза, П. Гольбах, Л. Фейербах, В.И. Вернадский);

- теологический, рассматривающий в качестве *дома* Царство Божие, а в качестве *бездомья* – земную жизнь человека (Св. Августин, русские историософы);

- социологический, в соответствии с которым *дом* – это общество (К. Маркс, М. Фуко);

- антропологический, признающий *домом* духовный мир индивидуума и его экзистенциальную субъективность (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, М. Шелер);

- коммуникативный, провозглашающий *домом* со-бытие Я и Другого, т.е. мир человеческих отношений (М. Бахтин, М. Бубер, К. Ясперс и др.);

- культурологический, в рамках которого *дом* – это язык (Х. Гадамер, Ж. Деррида, М. Хайдеггер) (Shutova, 2000: 85-89).

В романе Бельгера дом в сознании героя ассоциируется с чистым степным воздухом, Ишимом, дружбой и любовью земляков. На другом временном этапе все это кажется ему спасением от суеты сует, тоски, интриг, возни, обязательств, беспокойства, терзавших душу на «земле предков». Дом в произведении функционально представлен как макрообраз – живое существо, чутко реагирующее на происходящее за его пределами. Уехал Эдмунд, и дом захирел, осиротел. Вернувшись в родной аул, в Туяк су, он понимает, что именно в этом месте он получал силы для роста в жизни, оно давало надежду и спасение, ощущение уверенности.

Дом в концептосфере романа Бельгера, – крепость, защищающая героя от всех невзгод, за его стенами человек чувствует себя в безопасности. Поэтому образ дома – символа родного края, символа прошлого, памяти и смысла жизни, описан в романе проникновенно. Образ дома в романе «Туяк су» постепенно и исподволь перерастает до макрообраза *аул*. Этот более широкий образ имеет этнокультурное значение культуроремы. Авторское самоощущение себя-в-мире, себя-в-доме расширяется в самоощущение себя-в-ауле. Аул выступает моделью национальной культуры. *Аул* также шире и глубже по концептуальному содержанию, предполагает многочисленность, коллективность, единство людей, в отличие от понятия «*дом*», предполагающем в изначальном своем содержании единичность, одиночество.

Аул Туяк су когда-то официально именовался – совхоз имени Кирова. Но пришли времена бурных перемен и социальных вызовов, и все меняется. Аул поэтически переименовали в Туяк су. Говорящее название «Туяк су» означает «тихая вода», «заводь», метафорически – «тупик». Герои романа нарекли свой аул этим именем, и все пошло не так. Название предопределило его дальнейшее запустение, упадок, угасание. Потрясенный Эдмунд видит родной аул зачахшим, словно больное существо...

Туяк су – место обитания и переплетения разных человеческих судеб, быта и истории многих национальностей, волею вождей и жестокой судьбы переселенных в Казахстан. Осенью 1941 года очутился главный герой романа Эдмунд Ворм вместе с родителями в этих краях. Здесь он вырос, познал и себя, и людей, и жизнь, печаль и радость, обрел достоинство и веру. Но после распада советской державы, оказавшись, как и многие, на распутье невостребованности, он был вынужден эмигрировать в Германию. Не в состоянии обрести своего места там, он возвращается в родные края. Здесь он видит огромные перемены, вспоминает былое, задается вопросом: «Кто он этому уголку Земли? Пришелец? Божий гость? Случайный прохожий? Гражданин? Сын?.. И где его родина, уроженца России, жителя Казахстана, гражданина Германии?» (Belger, 2004:245) Успокоительного ответа он не находит.

Г.К. Бельгер кратко и выразительно описывает историю аула, пестрое население которого всегда было многоликим, жили здесь казахи, киргизы, сарты, таранчи, татары. В годы войны сюда переселили корейцев с Дальнего Восто-

ка («малорослые, молчаливые, изможденные, желтолицые, узкоглазые» трудяги), еще раньше появились поляки («на всех взирали надменно, гордо, будто все вокруг были виноваты перед ними»). (Belger, 2004:13) Потом привезли в аул немцев (покладистых, терпеливых, послушных и безотказных). Немцы здесь освоились, привыкли, стали говорить по-казахски. Сторонившиеся всех поляки, отчужденные в душе от места ссылки, после войны уехали. На исходе войны в ауле появились жители Крыма и Кавказа, чеченцы и ингуши, карачаевцы, греки, турки, кумыки, крымские татары. Все они стремились строить дома, как и раньше, на оставленной родине. Это нередко и непривычное саманное создание в форме хурджуна, и дом-сакля, дом – хибара, дом – дукен (комок).

Многоликость жизни такого аула писатель передает лирическими отступлениями о судьбе аула, о новых приметах в его внешнем облике: «Да, кого только не знавала эта древняя земля на развилке дорог! Всех теперь и не упомнишь. Одни обосновались здесь надолго, обжились, пустили корни, породнились и перемешались. Для других этот край стал лишь временным обиталищем. Но всех помнит эта земля, всех, кто оставался ей благодарным. А неблагодарных никакая земля не помнит». (Belger, 2004: 18) По мысли исследователей, определение героя романа себя как «своего» в Туюк су обусловлена тем, что казахский аул стал *этническим общежитием* для многих национальностей (Kusainova, Kozina, 2013: 488].

Потерю прежнего аула, очевидный кризис традиционного сообщества казахов писатель воспринимает как большую драму. Будучи защитником аула, Г. Бельгер всегда отмечал, что его сделали нравственным существом три фактора: родители, аул и книги. В многотомнике «Плетень чепухи» Г. Бельгер так оценивает значение аула в своей жизни: «В личном плане я, можно сказать, не должен жаловаться. Физически унижен, угнетен не был. А до душевных терзаний кому какое дело? Спасали меня мои родители, аул, казахи, счастливые обстоятельства». (Belger, 2017: 26) Авторы монографического исследования пишут об отношении Г. Бельгера к аулу так: «Сердце писателя отдано Казахстану, он воспринял этот край как свой Дом. Духовное и природное богатство этой страны не могли оставить равнодушным тонко чувствующего человека и писателя, каким является Г. Бельгер. Так появились произведения, пронизанные тока-

ми любви к этому краю, к его людям» (Ananyeva, Babkina, 2004: 75)

По роману «Дом скитальца» становится очевидно, что боль, тоска по забытому дому преследовали самого писателя всю жизнь. Это зыбкое, странное чувство, точно зов из другого мира, впервые встревожило будущего писателя еще в ту далекую пору, когда для поволжских немцев под перестук колес вагонов открылась дорога-судьба в далекий, загадочный Казахстан. Бельгер – своего рода странник, сталкер, он инстинктивно всегда искал свой единственный родимый дом.

Подсознательные поиски родного дома преследовали Герольда во сне, кажется, всю жизнь. Это стало наваждением, настойчивым импульсом подсознания, зовущим вдаль сквозь маету, внутреннюю смуту, туман душевной неустроенности.

«И вправду, где родной дом Герольда Бельгера?» – не раз спрашивал он себя. В городе Энгельс, где его корни, в Мангейме, земле предков, или в казахском ауле? Были годы, когда казалось: дом там, где качалась его младенческая колыбель, где всюду гортанно звучало родное немецко-гессенское наречие, где с широкой щедрой Волги прилетал вольный ветер, где предки обустроивали некогда дикий край кочевников, строили добротные деревни.

Его герои, депортированные и ссыльные немцы, люди искалеченной судьбы, жертвы великой войны и репрессий, постоянно размышляют на тему: что такое Родина, где она, есть ли у нас вообще Родина? Или российские немцы вечные скитальцы, изгои, бездомные, люди второго сорта, голь перекатная на этой земле? Эти, казалось бы, сугубо личные переживания о неведомом доме, о родине, которые волновали всех российских немцев, писатель озвучивает через неотступные рефлексии Эдмунда Ворма:

«Где его Родина, уроженца России, жителя Казахстана, гражданина Германии – Эдмунда Ворма?

Россия его изгнала, отторгла, разом перечеркнув судьбу предков, навсегда оставив зарубку в сердце.

Казахстан приютил на долгие десятилетия, взрастил, вспоил, принял в свои объятия. Здесь он познал и себя, и людей, и жизнь, и печаль, и радость, обрел достоинство и веру.

Германия его приняла, впустила, милостиво, с состраданием, как далекого потомка немецкого

предка, отправившегося в лихолетье в Руссланд на поиски счастья.

Потомок вернулся – круг замкнулся». (Belger, 2004: 245).

Г. Бельгер показывает казахстанскую и немецкую действительность глазами главного героя, который сопоставляет, сравнивает и делает выводы, порой неутешительные. Все же сытая и благоустроенная Германия не стала землей обетованной. На встречах российских немецких писателей Эдмунда словно обжигала склочная, завистливая атмосфера. «Каждый старался показать и доказать, что он более немец, чем кто-либо другой, более современный, современный, чем его коллега». Берлинец, глухой и капризный старец, выдававший себя за непревзойденного знатока старого и современного немецкого языка, горячо, с неистовым азартом убеждал: «Кто не пишет по-немецки, тот, разумеется, не немецкий писатель». (Belger, 2004: 113-114) Жестокая и черствая ясность.

Сцена в романе, когда Эдмунд, любуясь степным пейзажем из окна вагона, мчащегося по степям Казахстана, наслаждается запахами родной земли, выстроена в системе невольных сравнений. От них, степных запахов, «ширится грудь и веселится душа». Не ощущал Эдмунд этого в Германии, с ее дивными, ухоженными полями, картинными деревнями, зелеными долинами, множеством рек и речушек.

Лейтмотивы этих сцен передают странное ощущение главного героя, живущего как бы в раздвоенном состоянии: «Он пытливо вглядывался вокруг, отмечая про себя те явные, очевидные перемены, которые произошли за время его проживания в другой, далекой отсюда стране. И подумал про себя, что, видно, все же изменился за эти десять лет, ибо все воспринимает помимо воли другими глазами, острее и обнаженнее». (Belger, 2004: 111) Но не все так плохо, как показалось Эдмунду вначале, он замечает и появление нового, хорошего.

Образ учителя Франц Фризен, собирателя фольклора поволжских немцев, связывает его с корнями, с культурой российских немцев. Франц Фризен тоже родом из Поволжья, из числа немцев-традиционалистов, отличавшихся образом жизни и нравом: строгим порядком, аскетизмом, замкнутостью, нелюдимостью. Он также был переселенцем, пережил невзгоды и муки трудармии, проработал несколько лет колхозным бухгалтером и затем с энтузиазмом стал

преподавать в школе гуманитарные дисциплины, немецкий и русский языки. Он становится заслуженным учителем республики, уважаемым в крае человеком. Ветня нового, хорошего просматриваются в новом добротном доме, который построил Фризен и перебрался туда из старого жилища. Главным богатством дома Фризен были книги, сочинения классиков родной литературы. В душе своими мудрыми собеседниками считал он Гете, Шиллера, Гегеля и Гейне. Они взирают на него со стен его дома. (Belger, 2004: 237)

В романе поднимаются вопросы, на которые не в силах ответить автор и его герои. Это узлы самой эпохи. В уста Франца Отговича писатель вкладывает свои самые актуальные размышления о таком межэтническом явлении, как российский немец. Он – маргинальное порождение двух культур. «Русскую или российскую ментальность надобно в нем сберечь..., а немецкую терпеливо и настойчиво культивировать», – говорит старый Фризен. (Belger, 2004: 237)

«Но ему, Эдмунду Ворму, Германия родной не стала... (сокращения наши – А.Ж.) Родной она станет его внукам. Возможно. Так, кто же он, спецпереселенец, потом – поздний возвращенец Эдмунд Ворм? Человек без родины? Скиталец с нескладной судьбой? Где тот уголок земли, где утешится и утишится его душа? Нет ответа...» – резюмирует свои искания писатель. (Belger, 2004:245)

Заключение

Тревога и беспокойство за «главный дом» человека, за нравственные его основы, за память о прошлом волновали Г. Бельгера, заставляя искать пути решения. Большую роль в этом он отводил культуре межэтнических отношений. Все связано с культурой человеческих отношений – именно она должна учить толерантности, пониманию. Писатель убежден, что во всем и всегда на первом месте должна быть культура взаимопонимания людей, особенно разных этносов. Культура должна доминировать, начиная с бытовых, родственных отношений людей и вплоть до высокой духовности, альтруизма. И тогда дорога людей к вершинам цивилизации, к новому возрождению, открывающему космические горизонты, будет усыпана не шипами, не терниями, а лепестками цветущих лугов. Так мысль о *доме* исподволь перерастает в мысль о *дороге* людей.

Литература

- Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2000. – 398 с.
- Красных В.В. Коммуникативный акт и его структура // Функциональные исследования: сб. ст. по лингвистике. – М.: 1997, вып. 4. – 43–44 с.
- Афанасьева А.С. Архетип «дом» в прозе русскоязычных писателей Казахстана: билингвизм как способ обретения «своего» места в мире (на материале романа Г. Бельгера «Туюк су») // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – № 14 (3), 2017. – 483–492 с.
- Кусаинова А.М., Козина Е. Особенности репрезентации концепта «память» в произведениях Герольда Бельгера // *Lingua mobilis*. – № 7 (46), 2013. – 27–33 с.
- Зейферт Е.И. Современная литература российских немцев как факт самоидентификации // Поликультурная личность Герольда Бельгера в потоке национальных языков и культур: мат. вуз. конф., посвященной творчеству современного казахстанского поликультурного писателя Герольда Бельгера. 2 марта 2015 года / Отв. ред. А.М. Кусаинова. – Костанай: Костанайский филиал ФГБОУ ВПО «ЧелГУ», 2015. – 182 с.
- Бельгер Г. Туюк су. – Алматы: Дайк-Пресс, 2004. – 246 с.
- Кусаинова А.М. Отражение ключевых понятий 'родина', 'память', 'дом' в национальной картине мира российских немцев, русских и казахов // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение, вып. 55. – 2011, № 17 (232). – 85–88 с.
- Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 296 с.
- Шутова Е.В. Дом и бездомье человека: терминальный статус и формы бытия в культуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Социальные технологии. – 2000, № 1 (13). – 85–89 с.
- Бельгер Г. Плетение чепухи. – Алматы: ИП «Спанова А.Б.», 2017.т.1. – 368 с.
- Ананьева С. Бабкина Л. Творчество Герольда Бельгера в контексте современного литературного процесса. – Алматы: ОО «Школа XXI века», 2004. – 199 с.

References

- Ananyeva S. Babkina L. (2004). *Tvorzhestvo Gerolda Belgera v kontekste sovremennogo literaturnogo prozessa*. [Creativity of Herold Belger in the context of the modern literary process] Almaty: Public Association "School of the XXI Century". 199 p.
- Afanasyeva A.S. (2017). *Arhetip "Dom" v proze rysskoiazuzhnuh pisatelei Kazahstana: bilingvizm kak sposob obretenia "svoego" mesta v mire (na materiale romana G. Belgera "Tyiyk sy")* [The archetype "house" in the prose of Russian-speaking writers of Kazakhstan: bilingualism as a way of gaining "one's" place in the world (based on the novel by G. Belger "Tuyuk su")] *Vestnik RUDN. Series: Educational Issues: Languages and Specialty*. N. 14 (3). 483-492 p.
- Belger G. (2017). *Pletenie zhepyhi*. [Weaving nonsense] Almaty: IE "Spanova AB", v.1. 368 p.
- Belger G. (2004). *Tyiyk sy [Tuyuk su]* Almaty: Dyke-Press. 246 p.
- Krasnukh V.V. (1997). *Kommunikativnyi akt i ego struktura // funktsionalnye issledovania: sb. Statei po lingvistike*. [The communicative act and its structure // Functional studies: Sat. Art. in linguistics] Vol. 4. 43–44 p.
- Kusainova AM, Kozina E. (2013). *Osobennosti reprezentatsii koncepta "pamiat" v proizvedeniah G. Belgera*. [Features of the representation of the concept of "memory" in the works of Herold Belger] *Lingua mobilis*. No. 7 (46). 27-33 p.
- Kusainova A.M. (2011). *Otrazhenie klyzhevuh ponaitii "rodina", "pamait", "dom" v nazionalnoi kartine mira rossiskih nemzev, rysskih, kazahov*. *Vestnik Zhelabinskogo gosydarstvennogo yniversiteta. Filologia. Iskystvovedenie*. [Reflection of key concepts 'homeland', 'memory', 'house' in the national picture of the world of Russian Germans, Russians and Kazakhs. Bulletin of Chelyabinsk State University] *Philology. Art History*, vol. 55, No. 17 (232). 85-88 p.
- Maslova V.A. (2016). *Vvedenie v kognitivnyiy lingvistiki*. [Introduction to cognitive linguistics] M.: Flint: Nauka. 296 p.
- Seifert E.I. (2015). *Sovremennaia literatyrа rossiskih nemzev kak fakt samoidentifikatsii, polikulytrnaia lizhnost G. Belgera v potoke nazionalnuh iazukov i kyltyr: material vyz. konf., posviazhennoi tvorzhestvy sovrennogo kazahstanskogo polikulytrnogo pisatela Gerolda Belgera*. 2 marta 2015 g. *Otv. red. A.M. Kysainova*. [Contemporary literature of Russian Germans as a fact of self-identification. The multicultural personality of Gerold Belger in the stream of national languages and cultures: mat. university. conf., dedicated to the work of modern kazakhstanian multicultural writer Gerold Belger. March 2, 2015. Ans. ed. A.M. Kusainova] *Kostanay: Kostanai branch of FSBEI HPE "ChelSU"*. 182 p.
- Shutova E.V. (2000). *Dom i bezdoie zheloveka: terminalnui statys i formu butia v kulture*. *Vestnik Volgogradskogo yniversiteta. Seria: Filosofia. Sozialogia. Sozialnue tehnologii*. [Home and homelessness of a person: terminal status and forms of being in culture. Bulletin of the Volgograd State University. Series: Philosophy. Sociology. Social technology]. N. 1 (13). from. 85-89.
- Halizev V.E. (2000). *Teoria literatyrу*. [Theory of literature] M.: Higher School. 398 p.